

И.А. Туркин

I. Turkin

**СИМВОЛ «ЯДЕРНАЯ
ВОЙНА» В
СОВРЕМЕННЫХ СМИ
РОССИИ И США:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ**

**THE SYMBOL OF
«NUCLEAR WAR» IN
CONTEMPORARY
RUSSIAN AND US MEDIA:
A COMPARATIVE
ANALYSIS**

Аннотация

Целью работы является сравнительный анализ использования символа «ядерная война» в СМИ России и США в период с 2021 по 2024 гг. На основе сравнительного анализа обширного массива текстов в рамках анализируемого периода, выгруженных благодаря инструментарию метода анализа больших данных, делается вывод о формировании разрыва в интерпретации символа. Такое положение дел затрудняет актерам в структуре конфликта интерпретировать действия друг друга одинаково, а как следствие и решать сложившиеся противоречия. Использование методологии критического дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муффа позволило выделить как узловые точки дискурсов о ядерной угрозе, так и определить те смыслы, которые в них исключаются. В СМИ США ключевой ядерной угрозой выступает Иран. Это обуславливается тем, что данная страна репрезентируется в качестве иррационального актора в международных отношениях, экзистенциальной целью которого является уничтожение США и Израиля. Россия репрезентируется в качестве слабого актора, который только угрожает применением оружия из-за неспособности добиться военных успехов на Украине. Китай представлен в дискурсе в первую очередь в контексте увеличения своего ядерного потенциала и разработки гиперзвуковых вооружений. Для репрезентации Поднебесной используется предикационная стратегия, направленная на дискурсивное создание двух противоборствующих блоков: «демократических» и «авторитарных» государств. В СМИ Российской Федерации в контексте ядерной угрозы ключевым негативным «Другим» выступает коллективный Запад

Abstract

The purpose of this work is to conduct a comparative analysis of the use of the symbol «nuclear war» in the Russian and US media between 2021 and 2024. Based on a comparative analysis of an extensive array of texts from the period under review, extracted using big data analysis tools, the conclusion is drawn that a gap has formed in the interpretation of the symbol. This situation makes it difficult for actors in the conflict structure to interpret each other's actions in the same way and, as a result, to resolve existing contradictions. The use of the critical discourse analysis methodology developed by E. Laclau and C. Mouffe made it possible to highlight key quilting points of the discourses on the nuclear threat and the meanings that are excluded from them. In the US media, Iran is portrayed as the key nuclear threat. This is because Iran is represented as an irrational actor in international relations, whose existential goal is to destroy the US and Israel. Russia is represented as a weak actor that only threatens to use weapons because of its inability to achieve military success in Ukraine. China is represented in the discourse primarily in the context of increasing its nuclear potential and developing hypersonic weapons. A predicative strategy is used to represent China, aimed at discursively creating two opposing blocs: «democratic» and «authoritarian» states. In the Russian media, the collective West, led by the US, is the key negative «Other» in the context of the nuclear threat. This coalition is represented as an unreliable, irresponsible, and dishonest actor. After the start of the special military op-

во главе с США. Данная коалиция репрезентируется в качестве ненадёжного, безответственного и нечестного актора. После начала СВО фиксируется идея, что причиной начала военных действий на Украине стала политика западных государств, которые подталкивали Киев к созданию ядерного оружия или «грязной бомбы». В противовес США в России доминирует апологетическая стратегия в отношении Ирана, которая позволяет легитимизировать политику Тегерана в рамках использования мирного атома.

eration, the idea took hold that the reason for the start of military operations in Ukraine was the policy of Western states, which pushed Kiev to create nuclear weapons or a «dirty bomb». In contrast to the US, Russia's strategy toward Iran is apologetic, which allows it to legitimize Tehran's policy of using nuclear energy for peaceful purposes.

Ключевые слова:

холодная война, ядерная угроза, дискурс, символическая политика, Россия, США, Китай, Иран.

Key words:

cold War, nuclear threat, discourse, symbolic politics, Russia, USA, China, Iran.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-87-100>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Сегодня мы всё чаще слышим про угрозу применения ядерного оружия, которая возникла в связи с кратным усилением конфронтации между великими державами. Поэтому, учёные-международники выдвигают на повестку дня вопрос о возможности избегания ядерной войны (Барановский, Бужинский, Загорский, Никитин, Ознобищев, 2022), действенности в современном контексте ядерного сдерживания (Караганов, 2024) и возможном пути по лестнице ядерной эскалации (Барановский, 2022). Это подкрепляется фактическим кризисом в области контроля и регулирования ядерного вооружения, особенно между Россией и США, то есть, двумя странами, на которые приходится основной ядерный потенциал на всей планете.

Ядерное оружие представляет собой уникальный феномен, и, как подчёркивает Р. Джарвис, его осмысление невозможно без анализа связанных с ним идей и убеждений (Джарвис, 2024). Если изначально оно рассматривалось как конвенциональное средство войны, то сегодня прочно ассоциируется с оружием Армагеддона, символизируя абсолютную угрозу и коренной переворот в представлениях о войне и безопасности. Однако, в отличие от эпохи Холодной войны, когда ядерное сдерживание воспринималось в качестве инструмента сохранения Status Quo, современные исследователи всё чаще указывают на его уязвимости и возможную неэффективность, ставя под сомнение прежние доктрины (Тренин, Авакянц, Караганов, 2024).

Одним из исследовательских треков данного проекта является анализ использования наследия Холодной войны различными акторами политики современных США и России. Если до этого мы рассматривали символы Холодной войны в широком контексте, охватывая частотность использования функции символов, магистральные контексты, то сейчас сместим фокус на частный, но крайне значимый в условиях кризиса международной безопасности символ ядерной войны.

Проясним предмет нашего исследования. Ядерное сдерживание имеет большую дискурсивную базу, основание которой было создано во время Холодной войны. Оставляя в стороне детальную историческую реконструкцию событий, мы отметим, что резервуар значений символа далеко выходит за рамки теории сдерживания, к которой зачастую редуцируется вся проблематика ядерной угрозы. Например, историки отмечают роль активистов и учёных, которые поднимали публично вопрос о контроле над послевоенным атомом (Kaiser, Wilson, 2015; Boyer, 1984); сегодня активно развивается отдельное направление исследований – изучение формирования страха ядерной войны в массовой культуре СССР и США (Журавлёва, 2024; Просолова, 2024; Heed, Kubyshkin, 2019; Невзоров, 2024); существуют работы по изучению различных режимов памяти о ядерном оружии в том числе в западных странах (Okuda, 2011; Аргунов, 2025) и так далее. В этом исследовании мы рассмотрим, как конструируется актуальное представление о ядерном оружии символическими элитами в публичной сфере на примере средств массовой информации.

Цель работы – выявить основные узловые точки дискурса о ядерной угрозе в СМИ России и США перед началом Специальной военной операции и до окончания президентства Джозефа Байдена. Для этого будет проведён сравнительный анализ использования лексемы «ядерное оружие» в период с 2021 по 2024 гг. (Рябова, Туркин, 2024). Данные темпоральные рамки выбраны для того, чтобы выделить основные сюжеты, связанные с максимальной после окончания Холодной войны эскалацией между двумя крупнейшими ядерными державами. Актуальное президентство Дональда Трампа не входит в анализируемый период, так как действующая американская администрация интерпретирует нынешний конфликт по-новому, стремясь в том числе по возможности завершить его, но не эскалировать с целью нанесения «стратегического поражения» России. Объем генеральной совокупности статей, в которых использовалась лексема «ядерная война» составил 2 884 публикации в СМИ США и 23 546 публикаций в СМИ России. Для анализа была сформирована выборочная совокупность, её объем составил по 400 публикаций из СМИ обоих государств, отобранных случайным образом.

В данной работе в качестве ключевого метода анализа текста выступает критический дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муффа (Laclau, Mouffe, 2001; Laclau, 2000). Свою теорию они основывают на онтологии постструктурализма, дополненной идеей А. Грамши о борьбе за гегемонию как форму добровольного доминирования. Теория дискурсивной гегемонии формулировалась в рамках антиэссенциалистского поворота, который во главу угла поставил принцип отсутствия чётких связей между означаемым и означающим. Это предполагает, что все значения являются результатом ранее принятых властных решений, а, следовательно, они являются случайными и могут меняться в результате политической борьбы. Рассмотрение ядерного оружия в качестве дискурсивного феномена не означает, что оно является просто конструктом и не представляет реальной угрозы для жизни людей. Любой дискурс имеет тенденцию к материальности. Когда политик рассуждает о необходимости бомбить какую-либо страну, это тот символический ресурс, который потенциально рискует реализоваться в реальности, убив множество людей.

Обозначенная теория будет дополнена смежными концептами, сформированными также в рамках дискурсивных исследований. В первую очередь мы говорим про определение «дискурсивных стратегий» (как самого широкого из понятий), а также референциальных и предикационных стратегий, сформулированных Р. Водак. Первый тип стратегии означает маркирование акторов позитивными или негативными чертами, а второй – формирование групп и символических границ между группами (Wodak, 2015). При этом, сама онтология Р. Водак и её учителя Т. Ван Дейка в данной работе отвергается как нарушающая принцип антиэссенциализма в связи с тем, что их позиция наделяет монополией на истину миноритарные группы.

В данной работе мы анализируем, как означающее «ядерная война» реализовывается в массовой политике, то есть такой политике, которая в первую очередь основывается на эмоциях, чувствах и переживаниях (Почелуев 2012, с. 27). Ядерное оружие в массовом дискурсе предстаёт в качестве символического ресурса, за который происходит борьба в процессе интерпретации социальной реальности и соревнование за доминирование в публичном пространстве (Малинова, 2015). Данный символ реализовывается через конструирование воображённого события начала обмена ядерными ударами между великими державами по схеме игры с нулевой суммой. Происходит создание памяти об ужасном или потенциально ужасном событии в прошлом, которое влияет на процесс принятия решений актором в настоящем. В этом контексте закономерным образом актуализируется значение и роль воображения как объективного фактора, не только влияющего на по-

ведение субъекта, но и конструирующего этого субъекта в рамках воображаемого сообщества (Андерсон, 2016; Юрчак, 2014, с. 311-404; Ball, 2003).

Важно заметить, что символическая политика не является способом манипуляции элит над массами. Элиты конструируют политические смыслы, но затем сами корректируют свое поведение в соответствии с этими смыслами (Малинова, 2013). Отдельно необходимо отметить, что применение символов в политике обусловлено их многофункциональностью. Например, они вызывают сильную эмоциональную реакцию, способны быть включенными в создание символических границ между «своими» и «чужими», а также они пластичны и многозначны (Рябов и др., 2023).

Во время Холодной войны между СССР и США был сформирован общий режим мнемонической безопасности, который основывался на сконструированной памяти об ужасном или потенциально ужасном событии, а также закреплял идею о недопустимости и кошмаре прямого столкновения между державами. Но сегодня, по всей видимости, данный режим памяти подвергается постепенной эрозии. Для обоснования данного тезиса выделим ключевые узловые точки дискурса о ядерной войне, которые артикулируются в дискурсе СМИ России и США.

Уже было отмечено ранее, средства массовой информации США в гораздо меньшей степени обращаются к символу «ядерная война» по сравнению со СМИ Российской Федерации. Это связано с тем, что сама проблематика использования ядерного оружия является периферийной и возникает в контекстах, которые касаются США крайне опосредованно. Первым по упоминаниям государством, которое в анализируемый период в США на дискурсивном уровне негативно связывается с ядерным оружием, является Иран. Это в целом обусловлено не только сильным вниманием США к Ближнему Востоку, но и усилиями израильского лобби, стремящегося объединить американские и израильские приоритеты, представляя интересы Израиля как объективные цели Соединённых Штатов (Mearsheimer, Walt, 2006).

Рассмотрим референциальные и предикационные стратегии, использующиеся в дискурсе американских СМИ по отношению к Ирану.

Для стигматизации Ирана его репрезентируют в качестве страны «крупнейшего в мире спонсора терроризма», экзистенциальная цель которого – уничтожение США и Израиля. Такая репрезентация позволяет сформировать цепочку эквивалентности, фиксирующую смысл в схему «политика Америки – это политика Израиля, а политика Израиля – это политика Америки». Такая дискурсивная стратегия позволяет выполнить две функции: во-первых, связать США и Израиль, а, во-вторых, представить партикулярные интересы Израиля в качестве объективных интересов США. Это реализовы-

вается с помощью двух риторических тропов: во-первых, стигматизации Ирана в качестве иррационального актора, а, во-вторых, с помощью репрезентации в СМИ США политики на Ближнем Востоке израильскими политиками и активистами. Второй троп позволяет интерпретировать проблематику арабо-израильских отношений через позицию Иерусалима. Например, американский ультра-правый новостной веб-сайт Breitbart цитировал бывшего премьер-министра Израиля Н. Беннета, который призывал «не поддаваться «кровавому» ядерному шантажу Ирана»¹; американская медиа-организация Politico утверждала, что администрация Дж. Байдена во время протестов 2022 года в Иране не желала прислушиваться к «некоторым активистам» из Ирана, которые требовали отказаться от ядерной сделки и не снимать санкции с «режима аятолл»²; Fox News цитировало действующего премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху, который, критикуя попытку реабилитации ядерной сделки, говорил следующее: «Если у Ирана есть ядерное оружие, они не просто угрожают моей стране, Израилю или всему Ближнему Востоку и союзникам Америки. Они угрожают вам напрямую, потому что одновременно с разработкой ядерного оружия они разрабатывают средства его доставки через континенты»³.

Интересно, что даже после начала Специальной военной операции на Украине фокус американских СМИ так и не сместился полностью в сторону России. Более того, начало конфликта дало возможность выстроить цепочку эквивалентности, закрепляющую идею о необходимости ужесточения санкций против Ирана за его поддержку России. Например, Fox News в обзоре протестов в Иране цитировал Занд Эврин, автора книги «Тайное женское общество: история отважных иранских женщин» (The Ladies' Secret Society: History of the Courageous Women of Iran), которая критиковала политику возобновления ядерной сделки с Ираном при возможном посредничестве России: «В то время как администрация [Байдена] поддерживает Украину, Хаменеи дарит беспилотники своему другу Путину, и тем не менее президент Байден продолжает говорить о переговорах с Путиным в качестве посредника с Хаменеи». Или в этом же материале журналисты цитировали представителя Госдепартамента США, который заявлял, что «Иран убивает свою моло-

¹ Israeli PM Bennett Tells World Leaders Not to 'Give in to Iran's Nuclear Blackmail' (2021). Breitbart. <https://www.breitbart.com/middle-east/2021/11/30/israeli-pm-bennett-tells-world-leaders-not-to-give-in-to-irans-nuclear-blackmail/>.

² 'Everyone thinks we have magic powers': Biden seeks a balance on Iran (2022). Politico. <https://www.politico.com/news/2022/10/25/biden-iran-regime-change-protests-nuclear-weapons-00063312>.

³ Netanyahu rips Biden over push to revive Iran nuclear deal: Middle East will become 'nuclear powder keg' (2022). Fox News. <https://www.foxnews.com/media/netanyahu-rips-biden-push-revive-iran-nuclear-deal-middle-east-nuclear-powder-keg>.

дежь и продает [беспилотные летательные аппараты] России, чтобы убивать украинцев. Мы сосредоточены на практических способах противостояния им в этих областях»¹. Также американский политик республиканец М. Роджерс, критикуя возможную ядерную сделку, заявлял, что «предоставление Ирану денег, необходимых ему для продвижения к ядерному оружию, расширения его террористической сети и одновременной помощи Владимиру Путину, является ошибкой, которая будет стоить жизней»².

Вторым по значимости «Другим» в контексте ядерной угрозы выступает Россия. Важно отметить, что до начала Специальной военной операции в американских СМИ почти не упоминалась связка России и угрозы применения ядерного оружия. Однако после начала СВО, доминирующей стала референциальная стратегия, репрезентирующая Россию как «слабого» актора, который из-за неудач на Украине компенсирует военные трудности угрозами в адрес западных стран. Например, в материале The New York Times 2022 года заявлялось, что, актуализируя тему ядерного оружия, российский лидер «достигает практической военной цели». Этот нарратив в материале усиливается заявлением генерал-лейтенанта и бывшего командующего армией США в Европе, который оценивал в качестве «крайне маловероятного» применение Россией тактического ядерного оружия³. Таким образом, российская угроза интерпретируется как инструмент давления, маскирующий проблемы ВС РФ на фронте.

Также важным государством, которое репрезентируется в качестве ядерной угрозы, выступает Китай. Сегодня мы являемся свидетелями постепенного конструирования главного врага для США в лице именно Поднебесной. Например, в экспертном дискурсе Китай всё чаще репрезентируется в качестве нового экзистенциального врага. Если для США Россия – это слабеющая сила, то Китай это – идеологический противник, который имеет возможность нанести прямой удар по американскому обществу и который обладает силой и амбициями, угрожающими положению Соединенных Штатов в мире (Kagan, 2021). Ряд американских экспертов утверждают, что Китай выстраивает альтернативную гегемонию (Economy, 2024), а растущая мощь его

¹ Iran: 'Biden can't ignore protests, executions' as regime eyes nuclear weapons amid atomic deal pause (2022). Fox News. <https://www.foxnews.com/world/iran-biden-cant-ignore-protests-executions-as-regime-eyes-nuclear-weapons-amid-atomic-deal-pause>.

² Exclusive: Ranking HASC Republican Rogers Rips Biden Effort to Revive Iran Nuke Deal – 'A Grave Mistake' (2022). Brietbart. <https://www.breitbart.com/politics/2022/08/25/exclusive-ranking-hasc-republican-rogers-rips-biden-effort-to-revive-iran-nuke-deal-a-grave-mistake/>.

³ The Reality Behind Russia's Talk About Nuclear Weapons (2022). The New York Times. <https://www.nytimes.com/2022/11/02/us/politics/putin-russia-nuclear-weapons.html>.

ядерного арсенала постепенно трансформирует биполярную ядерную систему во главе с Америкой и Россией в трёхполярную (Krepinevich 2022).

На этом фоне важно отметить, что в СМИ США ядерная угроза Китая является относительно периферийным сюжетом. Один из значимых нарративов, направленных против Китая, основан на тревоге США по поводу разработки Китаем гиперзвуковых вооружений¹. При этом для репрезентации Поднебесной активно используется предикационная стратегия, которая объединяет Пекин и Москву с Тегераном. Так формируется связка ключевых негативных «Других», которые стигматизируются в качестве альянса «авторитарных» стран в противовес «либеральным демократиям», которые формируют группу «своих» для США. Например, в материале Fox News цитируется старший научный сотрудник Института Хадсона и эксперт по стратегическому сдерживанию Р. Хайнрихс, которая заявляла следующее: «Что делает ситуацию настолько опасной, так это то, что Си и Путин сотрудничают новыми способами, чтобы поставить под угрозу архитектуру альянсов США, системы торговли, безопасной и надежной коммерции – все то, что позволяло американцам жить в безопасности, процветать и быть свободными на протяжении десятилетий»².

Теперь перейдём к анализу дискурса СМИ Российской Федерации. В этот раз необходимо разбить анализируемый материал до и после 24 февраля 2022 года. Перед началом Специальной военной операции нужно выделить два ключевых сюжета: во-первых, начало переговоров о гарантиях безопасности с США и НАТО, во-вторых, переговоры по возобновлению Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана.

В декабре 2021 года Москва выдвинула предложения по гарантиям безопасности США и НАТО, в рамках которого ключевой идеей было не укрепление своей безопасности индивидуально за счёт безопасности других. На практике это означало гарантии невступления в Альянс Украины и Грузии, а также отказ от ведения военной деятельности на территориях, которые Москва считает экзистенциально важными для обеспечения собственной безопасности. В рамках проведения информационной кампании по освещению продвижения гарантий безопасности первые лица государства заявляли, что данные предложения не являются «ультиматумом» и направлены на урегулирование возможных конфликтов между ведущими ядерными державами. Например, в интервью Интерфакс замглавы МИД РФ С. Рябков заявил,

¹ As China Speeds Up Nuclear Arms Race, the U.S. Wants to Talk (2021). The New York Times. <https://www.nytimes.com/2021/11/28/us/politics/china-nuclear-arms-race.html>.

² Russia and China in unofficial arms race as US lags behind: experts (2023). Fox News. <https://www.foxnews.com/world/russia-china-unofficial-arms-race-as-u-s-lags-behind-experts>.

что «легкость, с которой оппоненты в НАТО обходятся с вопросами развертывания ядерного оружия, применения ядерного оружия в разных ситуациях, где все больше неопределенностей, размытостей, где снижается порог, в том числе, за счет мощности – то есть по логике делается то, что позволяет как бы проще обойтись с ядерным оружием, в том числе на поле боя, нам это как бы очень заметно, и вызывает не просто возражения, а озабоченность»¹. Дальнейшая реакция со стороны представителей НАТО не раз критиковалась в российских СМИ. После слов Й. Столтенберга о возможном размещении ядерного оружия на «восточном фланге» Альянса глава делегации России в Вене сказал следующее: «вместо того, чтобы откликнуться на призыв России к деэскалации напряженности в Европе, главное должностное лицо Североатлантического альянса заявляет о том, что в ядерном плане НАТО ещё ближе продвинется к границам нашей страны»². После неудачи переговоров российские спикеры резюмировали, что игнорирование предложений России привело к началу конфликта на Украине.

Как уже было сказано, вторым важным сюжетом в рамках анализируемого временного периода были переговоры по СВПД. В СМИ США ключевым был тезис об экзистенциальной угрозе Ирана, а, следовательно, единственно верной политикой было бы либо сорвать сделку, либо получить тотальный контроль над ядерной программой Ирана. Российская сторона заняла противоположную позицию. Например, сенатор К. Косачёв в интервью Интерфакс призвал «США покаяться за выход из сделки по иранскому атому», а также отметил, что «ни в одном случае иранцы не дошли до той красной черты, за которой возникает возможность разработки и производства ядерного оружия»³. С похожим заявлением позже выступил и постпред России при международных организациях в Вене М. Ульянов, который заявил следующее: «Иран уже отошел от СВПД во многих положениях. Однако важно понимать, что это произошло не по злой воле Тегерана, а в качестве реакции на безответственную политику максимального давления со стороны США с экстерриториальными санкциями и прочими формами давления на Тегеран»⁴. Следовательно, доминирующей позицией в дискурсе российских СМИ

¹ Сергей Рябков: наши предложения по гарантиям безопасности – не ультиматум Западу, но серьезное предупреждение (2021). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/interview/810198>.

² Глава делегации России в Вене прокомментировал заявление генсека НАТО о ядерном оружии (2021). RT на русском. <https://russian.rt.com/world/news/929758-rossiya-nato-yadernoe-oruzhie>.

³ Косачев призвал США покаяться за выход из сделки по иранскому атому (2021). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/world/812981>.

⁴ Компромисс или война. К чему приведет срыв переговоров Ирана и США по ядерной сделке (2022). ТАСС. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13198251>.

является утверждения, что большинство обвинений США о разработке ядерного оружия Ираном являются преувеличенными, а выход из СВПД был крупной ошибкой.

После начала СВО в дискурсе СМИ закрепились идея, что начало боевых действий связано с политикой западных государств, которые подталкивали Киев к созданию ядерного оружия или «грязной бомбы». Например, зампред Совета Безопасности Д. Медведев неоднократно заявлял, что именно намерение возобновления ядерной программы стало одной из причин проведения спецоперации на Украине¹. Вторым важным событием стали заявления первых лиц государства о создании «грязной бомбы» киевскими властями с целью её использования и обвинения России в террористической деятельности. Согласно заявлению бывшего посла в США А. Антонова, «сегодня мы стоим перед угрозой радиационной катастрофы. Киев вынашивает планы по осуществлению диверсии с применением «грязной бомбы» <...> Совершенно очевидно, что цель украинских властей – замаскировать провокацию под использование Россией тактического ядерного оружия и, притворившись жертвой, напрямую втянуть США и НАТО в конфликт»². При этом все обвинения России о том, что она якобы собирается использовать тактическое ядерное оружие, отрицались. Это связано с тем, что ядерная доктрина РФ носит оборонительный характер, а также российское руководство утверждает, что сможет решить все поставленные цели в ходе СВО без применения оружия массового уничтожения. Поэтому, президент В. Путин в ответ на критику неоднократно отвечал: «Хочу подчеркнуть еще раз, чтобы никто там нас не обвинял в том, что мы бряцаем ядерным оружием. Это – политика ядерного сдерживания!»³.

Таким образом, были выделены три ключевых ядерных «Других», которые фигурируют в дискурсе СМИ США: Иран, Россия и Китай. В отношении Ирана преобладает референциальная стратегия, представляющая его как нерационального актора, чья экзистенциальная цель – уничтожение Израиля и США. Подобный дискурс формирует представление о невозможности диалога с Ираном, оставляя право голоса лишь определённым иранским «активистам», выступающим за ужесточение политики в его адрес. Данная

¹ «Серьёзная угроза для России»: как намерения Киева обладать ядерным оружием стали одной из причин проведения СВО (2022). RT на русском. <https://russian.rt.com/ussr/article/1070903-ukraina-yadernaya-ugroza>.

² Антонов заявил о подготовке Украиной диверсии с применением "грязной бомбы" (2022). ТАСС. <https://tass.ru/politika/16276707>.

³ Путин: Россия не бряцает ядерным оружием, а ведет политику сдерживания (2021). RGRU. <https://rg.ru/2024/12/16/putin-rossiia-ne-briacaet-iadernym-oruzhiem-a-vedet-politiku-sderzhivaniia.html>.

предикационная стратегия способствует созданию дискурсивного единства между США, Израилем и другими «цивилизованными» государствами, противопоставляя их «странам-агрессорам», сотрудничающим с Ираном. В отношении России доминирует референциальная стратегия «слабого» актора, которая закрепляет идею в дискурсе о «ядерном шантаже» со стороны России из-за неудач на Украине. Данная стратегия направлена не столько на закрепление в дискурсе СМИ узловой точки об угрозе ядерной войны между двумя ядерными сверхдержавами, сколько на деконструкцию образа России в качестве «агрессивного» и «безответственного», но и «неопасного» актора. Ключевые опасения по поводу Китая касаются разработки и тестирования им гиперзвуковых вооружений. При этом важным оказывается предикационная стратегия, которая репрезентирует международную арену как разделённую на два противоборствующих блока: демократий и автократий.

В СМИ Российской Федерации в контексте ядерной угрозы ключевым негативным «Другим» выступает коллективный Запад во главе с США. Данная коалиция репрезентируется в качестве ненадёжного, безответственного и нечестного актора. Это аргументируется тем, что все предложения России по формированию коллективной безопасности были проигнорированы, что закономерным образом привело к началу СВО на Украине. Более того, утверждается, что страны Запада вместо того, чтобы ответственно подходить к выстраиванию отношений между ядерными державами, подталкивали Киев к созданию ядерного оружия или «грязной бомбы». Отдельно необходимо отметить, что в противовес США в России доминирует апологетическая стратегия в отношении Ирана, которая позволяет легитимизировать политику Тегерана в рамках использования мирного атома.

В анализируемый период наблюдается разрыв в интерпретации символа «ядерная война» в СМИ России и США. Это очевидным образом затрудняло задачу стабилизации структуры конфликта, так как акторы не могли адекватно интерпретировать действия друг друга. Закономерным образом это приводило к тому, что и решить сложившиеся противоречия с помощью диалога и дипломатии не представлялось возможным.

Литература

- Ball, A. M. (2003). *Imagining America: Influence and images in twentieth-century Russia*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Boyer, P. (1984). From activism to apathy: The American people and nuclear weapons, 1963–1980. *The Journal of American History*, 70(4), 821–844.
- Economy, E. (2024). China's alternative order and what America should learn from it. *Foreign Affairs*, 103(3), 8–25.
- Heed, T., & Kubyshkin, A. I. (2019). Armageddon: Comparative images of the nuclear conflict between the United States and the Soviet Union in American cinema. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 24(5), 250–258. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.20>
- Kagan, R. (2021). A superpower, like it or not: Why Americans must accept their global role. *Foreign Affairs*, 100(2), 28–40.
- Kaiser, D., & Wilson, B. (2015). American scientists as public citizens: 70 years of the *Bulletin of the Atomic Scientists*. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 71(1), 13–25. <https://doi.org/10.1177/0096340214563675>
- Krepinevich, A. F., Jr. (2022). The new nuclear age: How China's growing nuclear arsenal threatens deterrence. *Foreign Affairs*, 101(3), 92–105.
- Laclau, E. (2000). Identity and hegemony: The role of universality in the constitution of political logics. In J. Butler, E. Laclau, & S. Žižek (Eds.), *Contingency, hegemony, universality* (pp. 40–90). Verso.
- Laclau, E., & Mouffe, C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics* (2nd ed.). Verso.
- Mearsheimer, J., & Walt, S. M. (2006, March 23). The Israel lobby and U.S. foreign policy. *London Review of Books*.
- Okuda, H. (2011). Remembering the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki: Collective memory of post-war Japan. *Acta Orientalia Vilnensia*, 12(1), 11–28. <https://doi.org/10.15388/AOV.2011.0.3632>
- Wodak, R. (2015). Critical discourse analysis, discourse-historical approach. In K. Tracy (Ed.), *The international encyclopedia of language and social interaction* (pp. 1–14). John Wiley & Sons, Inc. <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi090>
- Аргунов, Е. В. (2025). Память о Второй мировой войне в японской манге. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*, 4, 58–70. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2025-4-58-70>
- Барановский, В. Г. (2022). Эскалация конвенциональных конфликтов: о возможном переходе ядерного порога. *Полис. Политические исследования*, 4, 6–9. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.02>
- Барановский, В. Г., Бужинский, Е. П., Загорский, А. В., Никитин, А. И., & Ознобищев, С. К. (2022). Избегать ядерной войны: Проблемы эскалации/деэскалации вооруженных конфликтов при приближении к «ядерному порогу». *Полис. Политические исследования*, 6, 114–134. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>
- Джержис, Р. (2024). *Значение ядерной революции: Управление государством и перспектива Армагеддона* (Т. Ованнисян, Пер.). Центр анализа стратегий и технологий.
- Журавлева, В. И. (2024). Американская карикатуристическая индустрия как индикатор разрядки во взаимоотношениях СССР и США в годы Холодной войны. В *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США*.
- Караганов, С. А. (2024). Век войн? Статья первая. *Россия в глобальной политике*, 22(1), 52–64. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-52-64>

Невзоров, М. В. (2024). Образы «разрушительной силы» ядерного оружия в контексте режима ядерной безопасности между СССР и США. В *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США*.

Просолева, Е. В. (2024). Ядерная угроза в плакате СССР и США: опыт сравнительного анализа. В *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США* (с. 120–138).

Рябов, О. В., Белов, С. И., Давыдова, О. С., Кубышкин, А. И., Рябов, Д. О., Рябова, Т. Б., Смирнов, Д. Г., Спутницкая, Н. Ю., & Юдин, К. А. (2023). «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. Аспект Пресс.

Рябова, Т. Б., & Туркин, И. А. (2024). Символы холодной войны в современной политической риторике: опыт изучения СМИ России и США методами анализа больших объемов информации. В *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США* (с. 150–172).

Тренин, Д., Авакян, С., & Караганов, С. (2024). *От сдерживания к устрашению*. Молодая гвардия.

References

Ball, A. M. (2003). *Imagining America: Influence and images in twentieth-century Russia*. Rowman & Littlefield Publishers.

Boyer, P. (1984). From activism to apathy: The American people and nuclear weapons, 1963–1980. *The Journal of American History*, 70(4), 821–844.

Economy, E. (2024). China's alternative order and what America should learn from it. *Foreign Affairs*, 103(3), 8–25.

Heed, T., & Kubyskin, A. I. (2019). Armageddon: Comparative images of the nuclear conflict between the United States and the Soviet Union in American cinema. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 24(5), 250–258. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.20>

Kagan, R. (2021). A superpower, like it or not: Why Americans must accept their global role. *Foreign Affairs*, 100(2), 28–40.

Kaiser, D., & Wilson, B. (2015). American scientists as public citizens: 70 years of the Bulletin of the Atomic Scientists. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 71(1), 13–25. <https://doi.org/10.1177/0096340214563675>

Krepinevich, A. F., Jr. (2022). The new nuclear age: How China's growing nuclear arsenal threatens deterrence. *Foreign Affairs*, 101(3), 92–105.

Laclau, E. (2000). Identity and hegemony: The role of universality in the constitution of political logics. In J. Butler, E. Laclau, & S. Žižek (Eds.), *Contingency, hegemony, universality* (pp. 40–90). Verso.

Laclau, E., & Mouffe, C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics* (2nd ed.). Verso.

Mearsheimer, J., & Walt, S. M. (2006, March 23). The Israel lobby and U.S. foreign policy. *London Review of Books*.

Okuda, H. (2011). Remembering the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki: Collective memory of post-war Japan. *Acta Orientalia Vilnensia*, 12(1), 11–28. <https://doi.org/10.15388/AOV.2011.0.3632>

Wodak, R. (2015). Critical discourse analysis, discourse-historical approach. In K. Tracy (Ed.), *The international encyclopedia of language and social interaction* (pp. 1–14). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi090>

Argunov, E. V. (2025). Pamyat' o Vtoroy mirovoy voyne v yaponskoy mange [Memory of the Second World War in Japanese manga]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya»*, 4, 58–70. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2025-4-58-70> (In Russ)

Baranovsky, V. G. (2022). Eskalatsiya konventsional'nykh konfliktov: o vozmozhnom perekhode yadernogo poroga [Escalation of conventional conflicts: On the possible crossing of the nuclear threshold]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, 4, 6–9. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.02> (In Russ)

Baranovsky, V. G., Buzhinsky, E. P., Zagorsky, A. V., Nikitin, A. I., & Oznobishchev, S. K. (2022). Izbezhat' yadernoy voyny: Problemy eskalatsii/deeskalatsii vooruzhennykh konfliktov pri priblizhenii k «yadernomu porogu» [Avoiding nuclear war: Problems of escalation/de-escalation of armed conflicts when approaching the "nuclear threshold"]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, 6, 114–134. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>

Jervis, R. (2024). *Znachenie yadernoy revolyutsii: Upravlenie gosudarstvom i perspektiva Armageddona* [The meaning of the nuclear revolution: Statecraft and the prospect of Armageddon] (T. Ovanisyan, Trans.). Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy. (In Russ)

Zhuravleva, V. I. (2024). Amerikanskaya karikaturistika kak indikator razryadki vo vzaimootnosheniyakh SSSR i SShA v gody Kholodnoy voyny [American caricature as an indicator of détente in USSR–USA relations during the Cold War]. In *Imagologiya Kholodnoy voyny: «Svoi» i «chuzhie» v massovoy kul'ture SSSR i SShA*. (In Russ)

Karaganov, S. A. (2024). Vek voyn? Stat'ya pervaya [A century of wars? First article]. *Rossiya v Global'noy Politike*, 22(1), 52–64. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-52-64> (In Russ)

Nevzorov, M. V. (2024). Obrazy «razrushitel'noy sily» yadernogo oruzhiya v kontekste rezhima yadernoy bezopasnosti mezhdru SSSR i SShA [Images of the "destructive force" of nuclear weapons in the context of the nuclear security regime between the USSR and the USA]. In *Imagologiya Kholodnoy voyny: «Svoi» i «chuzhie» v massovoy kul'ture SSSR i SShA*. (In Russ)

Prosolova, E. V. (2024). Yadernaya ugroza v plakate SSSR i SShA: opyt sravnitel'nogo analiza [The nuclear threat in posters of the USSR and the USA: A comparative analysis]. (In Russ)

Ryabov, O. V., Belov, S. I., Davydova, O. S., Kubyshkin, A. I., Ryabov, D. O., Ryabova, T. B., Smirnov, D. G., Sputnitskaya, N. Yu., & Yudin, K. A. (2023). «Vrag nomer odin» v simvolicheskoy politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoy voyny [«Enemy number one» in the symbolic politics of USSR and USA cinematography during the Cold War]. Aspekt Press. (In Russ)

Ryabova, T. B., & Turkin, I. A. (2024). Simvoly kholodnoy voyny v sovremennoy politicheskoy ritorike: opyt izucheniya SMI Rossii i SShA metodami analiza bol'shikh ob"emov informatsii [Cold War symbols in contemporary political rhetoric: A study of Russian and US media using big data analysis methods]. In *Imagologiya Kholodnoy voyny: «Svoi» i «chuzhie» v massovoy kul'ture SSSR i SShA* (pp. 185–193). (In Russ)

Trenin, D., Avakyan, S., & Karaganov, S. (2024). *Ot sderzhivaniya k ustrasheniyu* [From deterrence to intimidation]. Molodaya gvardiya. (In Russ)

Для цитирования: Туркин, И. А. Символ «ядерная война» в современных СМИ России и США: сравнительный анализ / И. А. Туркин // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 87–100. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-87-100.